

УДК 37 (470/620) «18»

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-4-697-704

**ОБРАЗЫ ГУВЕРНАНТОК, УЧИТЕЛЕЙ, НЯНЮШЕК В ЖЕНСКИХ ДНЕВНИКАХ
И ВОСПОМИНАНИЯХ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА****IMAGES OF GOVERNESSES', TEACHERS, NANNIES IN WOMEN'S DIARIES
AND MEMORIES OF THE XIX-th – EARLY XX-th CENTURIES****Ю.В. Антонова****Yu.V. Antonova**

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Центр образования № 27»,
Россия, 300026, г. Тула, ул. Ленина, 21.

Municipal budgetary educational institution «Education Center № 27»,
21 Lenin st., Tula, 300026, Russia

E-mail: julia.antonova.julia@yandex.ru

Аннотация

Особенности организации домашнего образования и воспитания представляют интерес как важный аспект истории повседневности, отражают уровень педагогических знаний в обществе. На основании дневников и воспоминаний Е.Ю. Хвошинской, М.К. Башкирцевой, Е.А. Дьяконовой и А.В. Тырковой-Вильямс проанализировано отношение воспитанниц к гувернанткам, домашним учителям и няням; выявлены факторы формирования их противоречивого образа в сознании девушек. Проблема рассмотрена в контексте изучения целей и задач женского образования и развития внутрисемейных отношений в XIX – начале XX вв. Привлеченные автором материалы демонстрируют значимость и тенденции развития домашнего образования и воспитания, а также некоторые трудности его реализации в исследуемый период.

Abstract

In the context of the development of female education in the XIXth – early XXth century approaches to the home education of all the girls are of great interest. The analysis of these approaches let us not only to identify the degree of educators influence and moral development of the girls, but also we are able to observe a controversial image of governesses, nannies and teachers in the girls' minds. A low level of morality, teacher training and poor material security formed a negative image among the girls, and also all those factors did not meet the goals of the education and upbringing at the education at that time. Families lacked control over the educators and the teachers, and, because of this, the situation became worse. In addition, most mothers of that time did not have the necessary pedagogical education. Anyway, the role of the mothers increased significantly, when most women began to perceive upbringing as their important social duty. Women's diaries and memories allowed us to trace this trend.

Ключевые слова: образование, нравственное воспитание, гувернантка, домашний учитель, няня, дневники, воспоминания.

Keywords: education, moral education, governess, home teacher, nanny, diaries, memories.

Домашнее воспитание и образование сегодня устойчиво входят в нашу жизнь, вызывая немало дискуссий об их целях, методах, преимуществах и недостатках. Тема представляет интерес с точки зрения изучения развития педагогики в России и истории повседневности.

Исследователи проявляют стойкий интерес к теме домашнего воспитания и образования в дореволюционной России. Большинство работ историков посвящено гувернанткам и гувернёрам в XVIII – первой половине XIX в. Преимущественный интерес авторов

вызывают воспитатели-иностранцы, качество их педагогической подготовки, результаты деятельности, адаптация в России. Эти проблемы были исследованы А.В. Чудиновым [2001, 2003, 2010, 2011], В.С. Ржеуцким [2011], О.Ю. Солодянкиной [2008, 2011]. Работы Е.И. Лелиной [2016] и Даниэля Жирардена [2011] посвящены воспитанию детей в семье последнего российского императора Николая II Романова. Интересным аспектом темы является изучение деятельности гувернеров и гувернанток известных людей. Так, работа А.Н. Полосиной [2011] посвящена гувернёрам и гувернанткам в доме Толстых.

Дневники и воспоминания XIX – начала XX в. представляют ценный источник изучения проблемы. Безусловно, мы сталкиваемся с субъективностью авторов, но реальная оценка значения воспитания невозможна без анализа того образа воспитателя, который остался в сознании воспитанников, их эмоции, чувства помогают нам создать живую картину прошлого. Как правило, в процессе воспитания и образования необходимость подчинения воспитателю неизбежна, что обычно негативно воспринимается ребенком, отношения воспитатель – воспитанник заведомо содержат немало противоречий, разрешение которых зависит от обеих сторон. Дневники позволяют увидеть причины и пути разрешения конфликтов. Выбор именно женских дневников и воспоминаний позволяет сфокусировать внимание на таких важных вопросах, как цель воспитания и образования девочки в исследуемый период, роль матери и родных в организации этого процесса, перспективы самореализации воспитуемых в дальнейшем.

Авторы дневников и воспоминаний преимущественно принадлежат к дворянской среде (Е.Ю. Хвощинская, М.К. Башкирцева и А.В. Тыркова-Вильямс), а Е.А. Дьяконова воспитывалась в состоятельной купеческой семье. Это были образованные незаурядные женщины, их наблюдения отличаются точностью, они передают тончайшие нюансы ситуаций, взаимоотношений. Наибольший интерес представляют воспоминания Е.Ю. Хвощинской, так как они содержат ценные сведения о воспитании ее матери, что дает возможность сравнить подходы к воспитанию в начале и в середине XIX в., увидеть постепенную смену патриархально-авторитарных внутрисемейных отношений гуманным отношением к детям.

Предметом анализа являются следующие вопросы: стиль общения, воспитания, жизненные цели и установки, особенности речевой коммуникации, социальное положение гувернанток, учителей, нянюшек, престиж профессии.

Авторы мемуаров значительное внимание уделяют внешности своих воспитательниц, не стесняясь в выражениях. Е.Ю. Хвощинская вспоминала о гувернантке: «Она ... пу-гала своим необыкновенным ростом: в ней было 2 аршина 10 вершков, и ей пришлось очень согнуться, чтобы поцеловать нас. Необыкновенный рост m- II К. возбуждал всеобщее любопытство ... прохожие останавливались и оглядывали её с ног до головы. В церкви же у одного господина любопытство дошло до того, что он подошел к ней и поднял вуаль, желая убедиться, действительно ли это женщина ... при этом она любила наряжаться мужчиной, и для нее специально сшили мужской костюм» [Хвощинская Е.Ю., 1898, с. 59–60]. В этом описании чувствуется детская непосредственность автора, его умение удивляться необычному, отношение к гувернантке как к новому лицу, вошедшему в дом, лицу, отличному от родных и близких.

Особенно язвительно описывает внешность одной из своих гувернанток М.К. Башкирцева: «... М-lle E., бывшая гувернанткой у N., поступила к нам; она будет чем-то вроде компаньонки. Я буду выказывать ей полное уважение в магазинах, чтобы внушить почтение к ней другим; она сама так не импозантна: маленькая, рыженькая, молодая, печальная. Лицо круглое, напоминающее луну, когда луна выглядит печальной. Это выражение лица просто смешит. В глазах какая-то комическая мечтательность ... Но, в шляпе, сделанной по моей идее, все это сойдет, я буду ходить с ней в мастерскую» [Башкирцева М.К., 2014, с. 47]. О гувернантке «M-lle Эльниц» М.К. Башкирцева пишет: «Представьте себе совсем маленькое тельце, громадную голову с голубыми глазами. Видали вы деревянные головы модисток с розовыми щеками и голубыми глазами? Ну вот, те

же черты и то же выражение. Прибавьте к этой наружности томный вид, который, впрочем, бывает также у всех таких манекенов, походку медленную, но такую тяжелую, что ее можно было бы принять за шаги мужчины, слабый, дрожащий голос; она роняет слова с удивительной медлительностью. Она всегда где-то витает, никогда ничего не понимает сразу и потом, остановившись перед вами, созерцает вас с серьезным видом, который или смешит, или бесит» [Башкирцева М.К., 2014, с. 51]. Порой автор дневника не воздерживается от выражения откровенной брезгливости: «Маленькая Эльниц отравляет мне жизнь. Я не пью больше чаю потому, что она разливает, а каково есть хлеб, до которого она до-трагивалась!!! Я получу аневризму, бегая по лестницам, как сумасшедшая, чтобы обогнать ее, и хоть секунду пройти без нее. Когда я беру графин или уксусницу, я стараюсь брать их так, чтобы не коснуться того места, которое она трогала. У нее, несчастной, есть насекомые, а ее плачевный вид и черные ногти противны мне до тошноты» [Башкирцева М.К., 2014, с. 51]. Такие беспощадные характеристики свидетельствуют о крайне пренебрежительном отношении к гувернантке и раздражении воспитанницы, вынужденной практически постоянно терпеть рядом с собой чуждого и неприятного ей человека.

Но куда большее негодование вызывали у девочек нравы гувернанток и их отношение к своим подопечным. Особенно показателен эпизод, описанный Е.Ю. Хвоцинской: «Гувернантки-иностранки строго следили за нравственностью, скромностью, хорошими манерами и разговором своих воспитанниц, но иногда от слишком большого усердия они не отличали хороших чувств от дурных» [Хвоцинская Е.Ю., 1898, с. 7]. Елена Юрьевна приводит следующий эпизод наказания ее матери Екатерины Николаевны Бахметьевой в детстве. Когда ей было 10 лет, при виде новорожденного Катя сказала, что она никогда бы не отдала своего ребенка «кормить чужой бабе», кормила бы сама. «Гувернантка вскрикнула от удивления, услышав из уст десятилетней девочки подобные, по ее мнению, нескромные желания, строго посмотрела на нее, поспешно вывела виновницу её ужаса и всех детей из детской и через несколько минут наказала её следующим образом: нарядила бедную девочку в сарафан кормилицы, повязала её платком, подвязала подушку для того, чтобы придать более сходства с кормилицей и, посадив в позу кормящей ребенка, дала ей в руки куклу, приглашая всех смотреть на наказанную и всю в слезах свою воспитанницу. Это было настоящее горе для стыдливой застенчивой девочки, над которой так жестоко и справедливо посмеялись. Мать моя рассказывала, что она так мучилась, думая, что на самом деле сделала какое-то ужасное преступление...» [Хвоцинская Е.Ю., 1898, с. 7]. Этот случай показывает, что воспитание было практически полностью отдано на волю наемных гувернанток, родители не вникали в этот процесс, что приводило к унижению детей. Акцент в воспитании делался на внешние приличия, а не на нравственное и интеллектуальное развитие. По меткому выражению А.В. Никитенко, воспитывали «для света, а не для общества» [Никитенко А.В., 2005, с. 4], это касалось и молодых людей, и девушек. Стремление родителей дать девочкам образование и воспитание на европейский манер порой приводило к печальным случаям. Е.Ю. Хвоцинская вспоминает, что учителя и гувернантки у внучат её прабабушки Дуниной были иностранцы, в основном французы; когда дети говорили по-русски, гувернантки в наказание «привязывали им на грудь красные языки» [Хвоцинская Е.Ю., 1898, с. 6]. Уроки русского же языка были в полном забвении. Для обучения Елены Юрьевны был нанят священник из Малороссии, который дал ей всего семь уроков. При этом он «вместо пяти говорил “пить”, и вместо “пятница” говорил “пятница”, и, вероятно, так же писал» [Хвоцинская Е.Ю., 1898, с. 6]. Дневники и воспоминания практически не содержат сведений об интересных методиках, применяемых гувернантками и домашними учителями, использовании разнообразных форм занятий, которые могли бы развить познавательные потребности подопечных. Это связано и с невысоким уровнем подготовки гувернанток и домашних учителей, и, как правило, с отсутствием интереса к процессу обучения и воспитания со стороны родителей. Между родителями и детьми было мало истинной любви и эмоциональной привязанности, преобладали отношения власти и подчинения.

Но ситуация постепенно менялась, что было связано с общим ходом развития внутрисемейных отношений во всех сословиях в пореформенное время. Б.Н. Миронов отмечает, что «даже среди образованной части общества эти изменения зашли не слишком далеко, социальная неполноценность не только детей, но и женщин оставалась непреложным фактом российской действительности» [Миронов Б.Н., 2003, с. 267]. Многие женщины желали непосредственно участвовать в образовании и воспитании своих детей, видя в этом не только выполнение родительских обязанностей, но и общественный долг, так как осознавали тесную связь между отношениями в семье и отношениями в обществе. Воспитание стало важной сферой самореализации женщин. А.В. Тыркова-Вильямс отмечала: «Мама никогда не сбрасывала нас с рук, не сдавала наёмникам, сама за всем следила, всем руководила» [Тыркова-Вильямс А.В., 1998, с. 39]. Она сама выучила детей русской грамоте по новой «звуковой методе», которая только в 60-х годах вытеснила «аз-буки-веди». Ариадна Владимировна вспоминает: «Учительницей она была очень хорошей, и благодаря её настойчивости мы знали русскую грамматику лучше своих сверстников. С такой же настойчивостью заставляла она нас с детских лет учить французский и немецкий, но это уже поручалось гувернанткам. Эти уроки шли главным образом летом, но не нарушали нашего счастья» [Тыркова-Вильямс А.В., 1998, с. 39].

Резкий протест против назиданий гувернантки звучит в воспоминаниях Е.А. Дьяконовой: « – ”Ах, какие у вас манеры!“ – ”Вы не умеете держаться!“ – терпеть не могу я этих восклицаний Ал. Ник. (Александра Николаевна. – *Прим. авт.*), не понимаю их, ибо легче мне просидеть над физикой три часа и выучить десять теорем, чем понять; восклицания эти для меня совершенная terra incognita» [Дьяконова Е.А., 2005, с. 16]. Манера держать себя подразумевала множество умений: правильно и красиво ходить, подавать руку, вести беседу и т. п., – все это молодая девушка не считала важным для себя. Куда больше ее интересовали научные знания, а также подлинные человеческие чувства, нравственные ценности и идеалы, и тут Александра Николаевна ее полностью разочаровала. Гувернантка показала пример крайнего легкомыслия, разорвав помолвку с женихом, что вызвало осуждение воспитанницы: «Александра Николаевна отказала своему жениху! Отказать человеку, уже обрученному с ней, уже имевшему на неё право, – это я не знаю, что такое!.. Чувствую, что не могу уже смотреть на неё, как прежде, мне кажется, что впереди её стоит отверженный ею жених. Я никому ничего никогда, конечно, не скажу, но... нехорошо всё-таки поступила Ал. Ник. Человек должен быть прежде всего человек, а она поступила с женихом безжалостно. Она теперь такая весёлая, ласковая, всё смеется, даже лицо её как будто похорошело; но взглянуть прямо на неё – я не могу, не могу. А ещё три недели тому назад я видела их вдвоём такими счастливыми...». [Дьяконова Е.А., 2005, с. 9]. Такое сильное эмоциональное переживание Елизаветы Александровны свидетельствует о ее крайнем разочаровании. Возможно, столь болезненные переживания были вызваны тем, что она ни в ком не смогла увидеть достойный, с ее точки зрения, образец современной женщины. Автор дневника пишет о сложных отношениях с матерью, которая кажется ей крайне ограниченной, склонной к истерикам. Елизавета Александровна выражает плохо скрываемое пренебрежение к сестре, рано вышедшей замуж и замкнутой в круге семейных и бытовых проблем.

Подчиненное положение гувернантки в доме, которое прекрасно видели воспитанницы, и при этом ее право предъявлять жесткие требования к поведению воспитуемых вызывало раздражение. Так, Е.А. Дьяконова, не скрывая его, пишет: «Ал. Ник. начинает говорить мне дерзости, и я насилу удержалась, чтобы не назвать её как-нибудь: слишком уж далеко начинает заходить. <...> Мама платит ей 30 рублей в месяц, а у нас гувернантки, знающие иностранные языки, получали 25 рублей, и если она откажется, ей скоро такого урока не найти, 30 же рублей в её семье – большие деньги... Эта изящная барышня, образец прекрасных манер и деликатного обращения, говорит дерзости своим же воспитанницам, зная, что мы не можем ей отвечать тем же, защищаться, и выходит похоже на

то, что самый большой человек бьёт маленького невинного ребёнка. Так поступать нечестно или, иначе говоря, не по-рыцарски. <...>» [Дьяконова Е.А., 2005, с. 16–17].

На страницах мемуаров все же есть положительные образы гувернанток. Светлые воспоминания о себе оставила гувернантка Е.Ю. Хвощинской, мадам de Lavean, автор отмечала ее образованность и благородство. Екатерина Юрьевна так описывает ее внешний вид и привычки: «Она не могла не поражать своей оригинальностью. Была очень некрасива: маленького роста, белокурая и немного горбатенькая... пила одно молоко, ложилась спать на стол, чтобы выпрямлять горб, спала в шляпе под вуалью, ходила постоянно в перчатках, прыгала каждый день 100 раз через веревочку, а летом купалась 3 раза в день до глубокой осени. Вставала аккуратно в 7 часов утра, ложилась в 9 часов вечера, и в какую бы то ни было погоду ходила гулять. Красоты она не приобрела, но зато в здоровье и бодрости могла состязаться с молодыми» [Хвощинская Е.Ю., 1898, с. 55]. Все это во многом объяснялось печальными обстоятельствами личной жизни гувернантки, которые Елена Юрьевна описывает с большим сочувствием. В Россию мадам de Lavean приехала очень молодой, приобрела себе капитал в 5 тыс. руб. и в 40 лет вышла замуж в Москве за молодого француза. Он сразу после венчания уехал в Париж, мадам de Lavean ждала его возвращения, старалась сохранить красоту; Елена Юрьевна с большой любовью вспоминает эту необычную воспитательницу, отмечает ее заботу, ласковое обращение и с детьми, и с прислугой [Хвощинская Е.Ю., 1898, с. 55–56]. Автор с горечью пишет о несчастной личной жизни мадам de Lavean. Спустя несколько лет мать Елены Юрьевны встретила мадам de Lavean в Москве «совершенно умирающей» и почти без средств, неспособной зарабатывать, ей было уже 80 лет. Она забрала бывшую гувернантку с собой во Флоренцию, воздух которой привел к улучшению состояния пожилой женщины [Хвощинская Е.Ю., 1898, с. 57].

О бесконечной доброте мадам de Lavean свидетельствует следующий эпизод: узнав о тяжелом положении одной из своих воспитанниц, имевшей большую семью, она поспешила послать ей свои последние трудовые деньги, тысячу рублей, а оставшиеся средства вложила в общину призрения в Chamberg, где она собиралась провести остаток жизни. Но, недовольная беспорядками во Франции и республиканским правлением, и мечтая вернуться в Россию, бывшая гувернантка все надеялась, что Елена Юрьевна придет и заберет её к себе, этого, к сожалению, не случилось. Скончалась мадам de Lavean «93 лет в памяти и безболезненно, в день ее кончины я получила от неё письмо, в котором она писала, что ждет меня!», – вспоминает Елена Юрьевна [Хвощинская Е.Ю., 1898, с. 57]. Дневник Е.А. Дьяконовой содержит лишь один положительный отзыв об учителе. Вспоминая Илью Ивановича Трепте, она пишет: «старичок с семейством, состоящим из жены, дочери (падчерицы) и сына ... он был человек очень образованный, относящийся с любовью юноши ко всем предметам, преподаваемым им» [Дьяконова Е.А., 2005, с. 91].

Положение гувернантки было если и не совсем унижительно, то все же непрестижно. Е.А. Дьяконова с крайним возмущением вспоминает совет стать гувернанткой, данный ей Владимиром Григорьевичем Чертковым, близким другом, секретарем Л.Н. Толстого [Дьяконова Е.А., 2005, с. 185]. С В.Г. Чертковым, проживавшим в Англии, Е.А. Дьяконова познакомилась в 1901 г. Она с негодованием отвергла это предложение, надеясь получить высшее образование и более престижную профессию. Мелочность учителей, даже жадность не могла вызывать уважение у воспитанниц. Е.А. Дьяконова вспоминает об учителе пения, датчанине, обучавшем «пению по цифрам». Обучение не давало положительных результатов, но вызывало всеобщее веселье, учитель с жадностью забирал собранные за него гувернанткой деньги [Дьяконова Е.А., 2005, с. 125].

Все авторы отмечают недостатки домашнего образования и воспитания, полученного от гувернанток: ограниченность знаний, несоразмерность предъявляемых требований возрасту детей, негативные личные примеры. Е.Ю. Хвощинская указала и на отсутствие формального признака такого образования: «Больше всего бабушка, княгиня Голицына,

восставала против домашнего образования, как не дающего диплома, который необходим бывает в жизни» [Хвощинская Е.Ю., 1898, с. 89].

Совсем иным предстает образ няни в воспоминаниях А.В. Тырковой-Вильямс. Нянюшка Агафья Васильевна прожила в их семье почти полвека и занимала «место важное и ответственное, трудовое и почетное» [Тыркова-Вильямс А.В. 1998, с. 35–36]. Автор отмечает искреннюю преданность семье, любовь к детям, – все это вызывало живой отклик в душах девочек, они были привязаны к няне: «Со всеми мелочами нашей детской жизни мы шли к ней, справедливо уверенные, что она не только оденет и разденет, обует и разует, вымоет руки, причешет, но и рассеет сомненья, огорчения, страхи которые порой так бурно вторгаются в детскую душу. Могут её и ранить, если нет около любящей руки. С няней мы позволяли гораздо больше шалостей и капризов, чем с иностранным гувернантками, но ее воркотню, – а поворчать она любила, – воспринимали как заслуженную» [Тыркова-Вильямс А.В. 1998, с. 36]. Няня была глубоко верующим человеком. Ариадна Владимировна вспоминает: «Молилась долго шепотом со вздохами, крестилась часто, широким крестом. Я сбоку смотрела на ее такое знакомое, такое близкое лицо, обращенное к образам, и глубже разливалось в моем детском уже полусонном теле то живительное ощущение опоры и тепла, которое от нее исходило, конечно, я даже для себя, внутри себя, не облекала его в слова» [Тыркова-Вильямс А.В. 1998, с. 36]. Следует отметить, что в юности Ариадна Владимировна негативно относилась к религии и церкви, но тяжелые жизненные испытания, выпавшие на ее долю, и стремление к поиску смысла жизни воскресили в ней религиозные чувства, неслучайно образ глубоко верующей няни, воссоздан в воспоминаниях.

Няня была совершенно безграмотна, и все попытки научить ее читать, говорить по-французски, с добрым юмором описанные автором, окончились неудачей. Ариадну Владимировну и ее сестру воспитывали и французские гувернантки, но образ няни автор пронес через всю свою жизнь: «Просто я безумно набиралась от нянюшки живительных флюидов любви, которые и сейчас меня поддерживают. Сколько таких преданных, любящих, мудрых русских нянюшек оберегали и одухотворяли детскую жизнь своих питомцев, наложили на них незаметную и нестираемую печать» [Тыркова-Вильямс А.В. 1998, с. 36].

Представленные воспоминания и дневники рисуют яркие, порой противоречивые и далеко не всегда положительные образы гувернанток, учителей, нянь. В исследуемый период большинство девочек, девушек получали именно домашнее воспитание и образование, главной целью которого была подготовка к достойному выполнению обязанностей жены, матери, хозяйки дома в будущем. Приведенные факты показывают, что только в тех случаях, когда родители, прежде всего мать, уделяли достаточное внимание этому процессу, он давал хорошие результаты. Далеко не все матери могли это сделать как в силу отсутствия педагогических знаний, так и из-за господства сугубо патриархального типа внутрисемейных отношений. Лишь во второй половине XIX в. наметилась тенденция расширения роли матерей в воспитании детей. Только при условии предъявления высоких требований к уровню знаний и нравственности нянь, гувернанток, учителей можно было обеспечить полноценное умственное и физическое развитие, гуманное воспитание детей.

Список литературы

1. Ариадна Тыркова-Вильямс. 1998. Воспоминания. То, чего больше не будет. Предисл. В.В. Шелохаева. Комментарий В.В. Шелохаева, С.В. Шелохаева. Худож. Кл.В. Медведев. М., Слово / SLOVO, 560.
2. Башкирцева М. 2014. Дневник. Электронная книга. URL: http://royallib.com/read/bashkirtseva_mariya/dnevnik.html#942080 (дата обращения: 01.07.2017).
3. Воспоминания Елены Юрьевны Хвощинской (рожд. кн. Голицыной). 1898. Из журнала «Русская старина», 1897, 1898 гг. СПб., Тип. Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная польза», 153.

4. Дьяконова Е.А. 2005. Дневник русской женщины. Электронная книга URL: http://az.lib.ru/d/dxjakonowa_e_a/text_0020.shtml (дата обращения: 01.07.2017).
5. Жирарден Даниэль. 2011. Гувернер Романовых: судьба Пьера Жильяра в России. М., Изд-во Paulsen, 168.
6. Лелина И.В. 2016. Воспитание и обучение наследника цесаревича Алексея Николаевича Романова. Петербургские исследования, 6. СПб., Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета: 147–172.
7. Миронов Б.Н. 2003. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. 3 изд. испр. доп. СПб., Изд-во «Дмитрий Булавин». XL, 548+583.
8. Никитенко А.В. 2005. Записки и дневник (в 3-х книгах). М., Захаров, 640.
9. Полосина А.Н. 2011. Гувернёры в жизни и произведениях Льва Толстого. Французский ежегодник: Франкоязычные гувернёры в Европе в XVII–XIX вв. Под редакцией А.В. Чудинова и В.С. Ржеуцкого. М., Изд-во Института всеобщей истории РАН: 329–347.
10. Ржеуцкий В.С. 2011. Французские гувернёры в России XVIII в. Французский ежегодник: Франкоязычные гувернёры в Европе в XVII–XIX вв. Под редакцией А.В. Чудинова и В.С. Ржеуцкого. М., Изд-во Института всеобщей истории РАН: 58–80.
11. Солодянкина О.Ю. 2008. Иностранцы наставники в дворянском домашнем воспитании в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Автореф. дис. докт. ист. наук. М., 34.
12. Солодянкина О.Ю. 2011. Французские гувернёры и гувернантки в Московском и Петербургском учебном округах (1820–1850-е гг.). Французский ежегодник: Франкоязычные гувернёры в Европе в XVII–XIX вв. Под редакцией А.В. Чудинова и В.С. Ржеуцкого. М., Изд-во Института всеобщей истории РАН: 127–149.
13. Чудинов А.В. 2001. Французские гувернёры в России конца XVIII в.: постановка проблемы. В кн. Европейское Просвещение и развитие цивилизации в России. Саратов, 246–250.
14. Чудинов А.В. 2003. Обычные и необычные приключения французского гувернёра в России XVIII в. Казус: индивидуальное и уникальное в истории. 5. М., Изд-во ОГИ: 441–474.
15. Чудинов А.В. 2010. Жильбер Ромм и Павел Строгонов: история необычного союза. М., Новое литературное обозрение, 344.
16. Чудинов А.В. 2011. Элизабет-Аделаида Жонес-Спонвиль, гувернантка и писательница. – Французский ежегодник: Франкоязычные гувернёры в Европе в XVII–XIX вв. Под редакцией А.В. Чудинова и В.С. Ржеуцкого. М., Изд-во Института всеобщей истории РАН: 245–264.

References

1. Ariadna Tyrkova-Vil'yams. 1998. Vospominaniya. To, chego bol'she ne budet [Memories. That which will no longer be]. Predisl. V.V. Shelokhaeva. Komment. V.V. Shelokhaeva, S.V. Shelokhava. Khudozh. Kl.V. Medvedev. M., Slovo / SLOVO, 560.
2. Rzhetskii V.S. 2011. Frantsuzskie guverneri v Rossii XVIII v. [French tutors in Russia of the XVIII century]. Frantsuzskii ezhegodnik: Frankoyazychnye guverneri v Evrope v XVII–XIX vv. Pod redaktsiei A.V. Chudinova i V.S. Rzhetskogo. M., Izd-vo Instituta vseobshchei istorii RAN: 58–80.
3. Solodyankina O.Yu. 2008. Inostrannye nastavniki v dvoryanskom domashnem vospitanii v Rossii (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX v.) [Foreign tutors in noble home education in Russia (second half of the 18th – first half of the 19th century)]. Avtoref. dis. dokt. ist. nauk. M., 34 s.
4. Solodyankina O.Yu. 2011. Frantsuzskie guverneri i guvernantki v Moskovskom i Peterburgskom uchebnom okrugakh (1820–1850-e gg.). [French tutors and governesses in the Moscow and St. Petersburg school districts (1820–1850s)]. Frantsuzskii ezhegodnik: Frankoyazychnye guverneri v Evrope v XVII–XIX vv. Pod redaktsiei A.V. Chudinova i V.S. Rzhetskogo. M., Izd-vo Instituta vseobshchei istorii RAN: 127–149.
5. Chudinov A.V. 2001. Frantsuzskie guverneri v Rossii kontsa XVIII v.: postanovka problemy. V kn. Evropeiskoe Prosveshchenie i razvitie tsivilizatsii v Rossii. [French tutors in Russia at the end of the 18th century: statement of the problem]. Saratov, 246–250.
6. Chudinov A.V. 2003. Obychnye i neobychnye prikl'yucheniya frantsuzskogo guvernera v Rossii XVIII v. [The usual and unusual adventures of the French tutor in Russia of the XVIII century]. Kazus: individual'noe i unikal'noe v istorii. 5. M., Izd-vo OGI: 441–474.
7. Chudinov A.V. 2010. Zhil'ber Romm i Pavel Strogonov: istoriya neobychnogo soyuza [Gilbert Romm and Pavel Strogonov: the history of an unusual union]. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 344.

8. Chudinov A.V. 2011. Elizabet-Adelaida Zhones-Sponvil', guvernantka i pisatel'nitsa [Elizabeth-Adelaide Jones-Sponville, governess and writer]. *Frantsuzskii ezhegodnik: Frankoyazychnye gubernery v Evrope v XVII–XIX vv. Pod redaktsiei A.V. Chudinova i V.S. Rzhetskogo*. M., Izd-vo Instituta vseobshchei istorii RAN: 245–264.
9. Bashkirtseva M. 2014. Dnevnik. [The diary] *Elektronnaya kniga*. URL: http://royallib.com/read/bashkirtseva_mariya/dnevnik.html#942080 (data obrashcheniya: 01.07.2017).
10. Vospominaniya Eleny Yur'evny Khvoshchinskoi (rozhd. kn. Golitsynoi) [Memoirs of Elena Yuryevna Khvoshchinsky (born Prince Golitsyna)]. 1898. *Iz zhurnala «Russkaya starina», 1897, 1898 gg.* SPb., Tip. Vysochaishe utverzhdennogo Tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 153.
11. D'yakonova E.A. 2005. Dnevnik russkoi zhenshchiny [Diary of a Russian woman]. *Elektronnaya kniga* URL: http://az.lib.ru/d/dxjakonowa_e_a/text_0020.shtml (data obrashcheniya: 01.07.2017).
12. Zhirarden Daniel'. 2011. Guverner Romanovykh: sud'ba P'era Zhil'yara v Rossii [Tutor of the Romanovs: the fate of Pierre Gilliard in Russia]. M., Izd-vo Paulsen, 168.
13. Lelina I.V. 2016. Vospitanie i obuchenie naslednika tsesarevicha Alekseya Nikolaevicha Romanova. [Education and training of the heir to Tsarevich Alexei Nikolaevich Romanov] *Peterburgskie issledovaniya*, 6. SPb., Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta: 147–172.
14. Mironov B.N. 2003. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [The social history of Russia during the empire (XVIII – beginning of XX century)]: V 2 t. 3 izd. ispr. dop. SPb., Izd-vo «Dmitrii Bulavin». 548+583.
15. Nikitenko A.V. 2005. Zapiski i dnevnik (v 3-kh knigakh) [Notes and diary (in 3 books)]. M., Zakharov, 640.
16. Polosina A.N. 2011. Guvernery v zhizni i proizvedeniyakh L'va Tolstogo [Tutors in the life and works of Leo Tolstoy]. *Frantsuzskii ezhegodnik: Frankoyazychnye gubernery v Evrope v XVII–XIX vv. Pod redaktsiei A.V. Chudinova i V.S. Rzhetskogo*. M., Izd-vo Instituta vseobshchei istorii RAN: 329–347.

Ссылка для цитирования статьи

Link for article citation

Антонова Ю.В. 2019. Образы гувернанток, учителей, нянюшек в женских дневниках и воспоминаниях XIX – начала XX века. *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. Серия: История. Политология, 46(4): 697–704. DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-4-697-704

Antonova Yu.V. 2019. Images of governesses', teachers, nannies in women's diaries and memories of the XIXth – early XXth centuries. *Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science*, 46(4): 697–704 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-4-697-704